

Татаринов А.В.

**БОЛЬШОЙ СТИЛЬ
И РУССКАЯ ПРОЗА
2020—2025 ГОДОВ**

Алексей Викторович Татаринов

Большой стиль и русская проза 2020–2025 годов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73054578

*Большой стиль и русская проза 2020–2025 годов: Союз писателей
России; 2025*

Аннотация

Книга из двадцати шести глав, написанных в 2022–2025 годах, показывает творческие возможности актуальной литературной критики. Она принимает участие и в оценке современной прозы, и в решении ключевых проблем национальной словесности. Большой стиль – способ полемики с литературным процессом последних десятилетий. Он же – цель совместного движения к новой народности.

В первом разделе («Стратегия») много сказано о главном конфликте отечественной жизни XXI века. Противостояние патриотов и либералов, Большого стиля и «Большой книги» его не исчерпывает. Во втором разделе («Апология») литературно-критические усилия направлены на осмысление и продвижение прозы, дающей русский ответ на вызовы сегодняшнего дня. В третьем («Критика») – полемика с художественными текстами иного, вполне закономерного фланга, где «малый

стиль» становится мировоззренческой величиной. В разделе четвертом («История») литературная критика не исчезает, но стремится подняться до обсуждения проблем войны России и Запада. Именно она является главным контекстом формирования новейшего русского эпоса, заметная часть которого – художественная проза.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Стратегия	5
О нашей пипеточной литературе	5
Что нам делать с поэтикой?	22
Большой стиль и маленький человек	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Татаринов

Большой стиль и русская проза 2020–2025 годов

Стратегия

О нашей пипеточной литературе

Да, блаженны миротворцы. Но далеки от блаженства имитаторы миролюбия. Они превращают словесность военного времени в болотистую риторику, в убаюкивающий поток сладких, вкрадчивых, весьма интеллигентных голосов. Если резче: много лет стратеги, напрямую причастные к русскому литературному процессу, работают на повышение его вторичности и маргинальности. Сознательно это происходит или усилия носят косвенный характер – второй вопрос. Главное в другом. Ответственные лица, особенно те, что раздают премии, делают вид, что у нас ренессанс. Однако за пределами тусовки никто оптимизма не разделяет.

«Русская литература должна заткнуться!» – не такой уж далекий подтекст разных усилий в этой области. С начала СВО они только нарастают. «Русская литература заткну-

лась, ей давно уже нечего сказать. Она потеряла конкурентоспособность. Чтобы убедились, дадим Нобелевскую хотя бы Алексеевич», – такова реакция читающих недругов задолго до роковых событий. Они уверены: на *советских* русское кончилось. А Светлана Алексеевич – для смеха и деконструкции возможных попыток восстать из пепла.

Всегда журнал «Наш современник» был знаменем, теперь это пипетка. Созданный Юрием Селезневым и Вадимом Кожиновым, Юрием Кузнецовым и Станиславом Куняевым, «Наш современник» был главным и едва ли не единственным очагом сопротивления разнузданным либеральным сюжетам. Ярко выраженный правый фланг отечественной словесности, дерзкая убежденность в том, что русское слово имеет смысл само по себе, без постмодернистских вывертов и новомодных селекционных экспериментов! Я всегда знал, что здесь (и только здесь) статьи о Селезнев и Достоевском, Кузнецове и Бодлере, Лихоносове и Тарковском, Кожинове и Прилепине, Проханове и Антипине будут опубликованы, прочитаны, оценены. Это представлялось особенно справедливым, учитывая, какие деньги и прочие ресурсы внешней эффективности вкачивают в противоположный фланг.

В декабре 2020 года умер Александр Казинцев. Заменить его – мыслителя, публициста, редактора – нельзя. И все же привлеченный Казинцевым Андрей Тимофеев быстро сумел вырасти в достойного наследника. Хорошо, скажем спокойнее: продолжателя. Настолько состоявшегося, что гром-

ко прозвучала его речь против Сергея Шаргунова и могущественной АСПИР, против их системного неучастия в борьбе с Западом.

Эй! А может, с Западом совсем не нужно бороться? Да я и не против, ведь десятки лет преподаю литературы Европы и Америки, являюсь внуком известного американиста-литературоведа. Только ведь не я придумал эту борьбу. И не АСПИР молчанием ее остановить. Когда-то мой сын, совсем маленький, при появлении чужого дяди закрывал глаза. И дядя исчезал, и рай возвращался. Тут у нас литературные мужички завешивают очи. Надо же, не помогает. С битвой цивилизаций принципиально другая история.

В общем, утром следующего дня Тимофеев уволен. Трудно было поверить, но пришлось: Сергей Куняев, несгибаемый боец, автор многих по-настоящему сильных русских речей начал заниматься демонтажем классической платформы «Современника» ради вхождения в модный, финансово застрахованный пул адептов умеренности. Подведение итогов литпремии им. А. И. Казинцева (я был членом жюри номинации «Критика»), уничтожение обложки с Мининым и Пожарским сигнализировали о гибели флагмана в водах управляемых, тщательно скоординированных компромиссов. Посвященные говорят, что Куняев не инициатор, он просто согласился, лишь поддался и подписался под изменениями. Что ж, пусть будет так.

Процесс трансформации редакции и самой идеологии

журнала подробно описан Александром Сегенем в первом номере «Литературной газеты» за этот год. Предательство и преступление – главные мотивы публикации о беде семьи Куняевых, о превращении боевого издания в нечто аморфное и уж точно безыдейное. Я думал, Сергей Куняев или на дуэль Сегеня вызовет, или даст такой ответ, что Пожарский с Мининым сами срочно вернутся. Увы, повисло молчание. Лишь 11 февраля в той же «Литгазете» вышла статья Карины Сейдаметовой, взявшей неформальную власть в «Современнике» и объявившей о возвращении к «пушкинской основе». А статья, не пожелавшая заметить страшных обвинений Сегеня, называлась «Какие мы с вами счастливые».

Не мы, а, наверное, вы. Не счастливые, а лукавые. Или, по крайней мере, не собирающиеся называть вещи своими именами. «Наш современник» с грязным пятном вместо героев, с мягкой и осторожной либеральной братией в содержании – впечатляющий пример важной тенденции в литературном менеджменте наших дней. Стереть индивидуальность, завесить серийными шторами мировоззренческую воплощенность, под видом новой политики ради молодых набрать особых молодых. Просто представьте на мгновение, что сказал бы Казинцев, увидев в жюри конкурса своего имени Елену Погорелую? Кто в курсе, тот поймет. Я уверен, что Погорелая – сильный литератор. Но при чем здесь «Наш современник»?

Что случилось, Сергей Станиславович? Не в частном раз-

говоре, а в сильном публичном слове ты объяснишь, что происходит? Ты ведь не можешь не понимать, что большинство читателей «Современника», особенно живущих в провинции, находятся на стороне изгнанного из журнала Сегеня. Когда они слышат твое молчание, они понимают то и так, что я лучше завершу эту тему.

...И тут вспоминаю «новый реализм» – ровесника тысячелетия. Трое их было на старте – антипелевинцев, противосорокинцев: Захар Прилепин, Роман Сенчин, Сергей Шаргунов. Прилепин – на Русской войне: от «Патологий» и «Саньки» до прямо сейчас публикующихся сетевых постов. У моего друга Юрия Павлова к самому просиявшему из «новых реалистов» достаточно претензий (апологетика ленинизма, море фактических ошибок в «Есенине» и «Шолохове»), однако судьба Захара Прилепина – это борьба за литературу, которая творит национальное героическое *сегодня*. Чтобы писать, Прилепин *живет*. Представьте, это редкость сегодня, ибо пипеточные тексты делаются совсем иначе. Автору «Обитатели» и человеку Донбасса все-таки хочется в вечность, а не только на полку премированных, похожих на профессоров успешных субъектов.

Роман Сенчин удивляет меня последовательным торможением художника в границах принципиально скучной обыденности. Неужели реализмом следует назвать отсутствие силы мысли и поступка при скрупулезной фиксации разных предметов своего времени? И если ранние повести

(«Нубук», например) или зрелые «Информация» с «Елтышевыми» казались невеселым экспериментом по превращению Андреева и Уэльбека в лишенную интриги горизонталь правдоподобного аутсайдера, то «Дождь в Париже» и «Русская зима» разозлили по-настоящему. В первом тексте историософия кризисных постсоветских лет тонет во французском запое провинциального туриста. Во втором Сенчин рассказывает о создании новой семьи, вяло развлекая сообщениями о прежних любовях супруги, известной в театральных кругах. И угораздило же меня дочитать «Русскую зиму» вечером 23 февраля 2022 года! Злой Вячеслав Огрызко как-то предположил, что из современной литературы для будущего останется именно Сенчин. Вы тоже согласны с Огрызко, что так создавать значит остаться в веках?

О Сергее Шаргунове, с печалью. Лучшее, что он написал – «Отрицание траура», юношеский манифест «нового реализма». Самое заметное из сделанного – стабильное депутатство, руководство писательским союзом; все это закономерная трансляция – и желания участвовать-помогать, и огромного себялюбия. Его АСПИР – самый заметный из постсоветских литературных проектов. АСПИР есть кому, есть за что благодарить. Например, мне. Помню о замечательном приезде Андрея Аствацатурова в Краснодар по инициативе организации, студенты запомнят навсегда. Однако в масштабе культурной политики Ассоциация союзов писателей и издателей – высочайшая координация аполитичности в эпо-

ху фатального возвращения эпоса, отказ от аттестации нашего времени как определяющего для судьбы России момента. Молчание Шаргунова по ключевым вопросам, неучастие в *нужный момент* в думских голосованиях давно стало анекдотом, который надоело слушать. Впрочем, и катастрофа «Нашего современника» – в границах этого анекдота. Всем слышная проповедь о том, как и что писать, о чем говорить и не говорить – тоже здесь. Войны, по мнению АСПИР, быть не должно. Русской литературе предписано быть тихой.

Присматриваться и прислушиваться к осторожности старших товарищей, пребывать в политкорректности, желательно пройти курсы начинающих писателей, копаться в личных травмах, слушаться редакторов или верховных авторов – таковы простые заповеди бывалых победителей. Даже Людмила Улицкая¹ и Марина Степнова хвастаются, что у Елены Шубиной их заставили поменять названия отнюдь не периферийных романов, принять навязанные «Зеленый шатер» и «Сад». И пошли продажи, и пришли премии, и стали редакторы значительнее авторов...

Вы догадались, что я не научную статью пишу. Иначе пришлось бы покопаться в высказываниях Павла Басинского, одного из лидеров, возлюбивших серединную словесность. Будто призван он смягчать наши милитаристские нравы и ложные эпосы чувствами добрыми – то жизнь Льва Толстого

¹ Здесь и далее знаком * отмечены литераторы, признанные в РФ иноагентами.

кратко перескажет, то Анну Каренину беллетристично приблизит. Гляньте хотя бы на одну статью Басинского: «Мы должны ценить наши русские таланты, даже если не совпадаем с ними идеологически» («Российская газета», 1 октября 2023 года). Автор советует прочитать книгу Дмитрия Быкова* о Зеленском и понять всех гуманитариев, уехавших из страны и желающих ее разрушения. Басинский вмонтировал в эту и ряд других публикаций евангельский призыв любить врагов. Он думает, что христианин. Он хочет казаться христианином. У меня иные мысли: Басинский, очень умный человек, в этих движениях ума далек от насущных проблем православия.

Не менее умна и прекрасно образованна еще одна властная фигура литературного процесса – Галина Юзефович. Читает по-стахановски много, в курсе всех новинок, жадно реагирует на каждый факт риторического либерализма. Россию последних лет ненавидит сердцем и умом, ждет поражения Москвы и суда над нами. Так она же явный враг, высокопоставленный литработник Запада? Можно и так. И все-таки обозначенная нами пипетка с Галиной Юзефович соотносится без особых проблем. Вот я о чем, поясню. Оказывается, Яхина написала одну из самых лучших книг десятилетия. Янагихара со своим гей-романом «До самого рая» – гениальный прозаик, которого невозможно не прочитать. Юзефович на полном серьезе, без всякого юмора пишет, что в новейшей русской литературе побеждают молодые женщины.

ны: Васякина, Володина и подобные им мастерицы. А ЛГ-БТ-проза – это литература истинной свободы, проверяющая нас на качество столь необходимой толерантности.

Галина Леонидовна все понимает и о Яхиной с Васякиной, и о нарративах сексуальных ненормативов. Но ведь на службе она – на службе глобализации как самой понятной и одновременной скрытой формы западной диктатуры. Разумеется, нельзя, считает Юзефович, ограничиться внешней отменой русской культуры; надо провести собственный, внутренний, национальный кэнселинг имперских амбиций в словесности. Созидающего народ Вергилия нам не положено, ограничимся лирически совершенным Катуллом. Этот резонансный телеграм-пост Юзефович, написанный летом 2022 года, оказался центром дискуссии в «Вопросах литературы». Об этом позаботилась вступившая в спор Анна Жучкова, отвечавшая тогда за динамичную рубрику «Легкая кавалерия». И я принял участие, не так давно все это было. Да нет уже в большом литературоведческом журнале Жучковой, кавалерия унеслась в другом направлении, а шайтановские «Вопросы литературы» проследовали параллельным курсом с «Нашим современником» – в стан действительно мощных пипеточников, где давным-давно царит «Новое литературное обозрение» с ярко выраженным проектом денационализации словесности, превращения ее в источник социологии и универсальной гуманитаристики. Она и сейчас способна обеспечить правильно мыслящих субъектов гран-

тами. Правильно мыслить! Как много решает это в текущем литпроцессе.

Не раз (например, в статье 2021 года «Жажда словесности в пустыне беллетристики», «Литературная Россия», № 18) говорил о той власти, которую имеет в нашем литературном мире доктор Живаго. Все иноагенты веруют в него вместо Христа, оправдывая свой метафизический и вполне реальный исход из России в царство совсем иллюзорной, далекой от пастернаковской гениальности. Михаил Шишкин* на одной из конференций, именно ему посвященной, сообщает, что при выходе из метро «Щелковская» лечил или даже заговаривал разболевшийся живот стихами знаменитого доктора. При чтении шишкинского «Письмовника» легко соглашаешься с направлением мысли автора: все в этой черной жизни суета, особенно тело свое и тело государственное, война и возраст, инстинкты и смерть, но есть один выход – в сверхматерию Слова, в царство эскапистских архетипов, в мир сугубо личных, недоступных народу и агрессору речей. Недоступных народу-агрессору. Гностиком в последние десятилетия быть модно; гамлетизм, правда, лишенный энергии датского принца – наше все. Настолько модно и ожидаемо, что в круглосуточных литаптеках гностицизм-гамлетизм прописывают как самое верное из паллиативных средств против российской тошноты. А как с Дон Кихотом обстоят дела? Он только у Проханова и скачет, ради пяти империй распинаясь. Так Проханов сегодня не наш

герой, ибо к компромиссам и договорам с Молчалиным не причастен.

Бедный Живаго, гениальный поэт и монарх пипеточного царства одновременно! Иноагент Улицкая*, иноагент Акунин* – сколько здесь знати, как однообразны их балыные вечера... Вспоминаю, как в 2012 году Борис Акунин* объявил об издании первого серьезного, мировоззренческого романа. «Аристонмия» называется. Сразу прочитал. Какое же вышло убожество, прости меня Господи за откровенное осуждение.

В наличии беда такая – боготворят наши живаговцы главную фигуру нобелевского романа, да вот своего сильнодействующего героя создать не могут. Все так и должно быть: из пипетки можно выдавить соответствующие фразы и относительные красоты охлаждающего небытия (тут Пелевин просто мастер!), но личность художественная при таком почти медицинском минимализме не рождается. Сюжет мстит за презрение к эпосу, за желание превратить народ в пшик, за тотальность виртуализации тела жизни в субъективности стерильного слова. Ты занят собой, ты путешествуешь по интеллектуальным альтернативам? Но живешь кабинетно и бессолнечно, а иногда и совсем против своей страны живешь. Так откуда взяться властному герою?

Особенно эта драма заметна у Дмитрия Быкова*: и «ЖД» с «Оправданием», и вся «И-трилогия». Попытки родить героя тонут в потоках романизированной публицистики, ра-

циональной антирусской фантазии на исторические темы. Мертво кругом! Советский доброволец – это смешно и уродливо, ведь Родина необратимо больна. Вертлявый интеллигент, проклинаящий одновременно СССР и Германию, – это должно быть сильно, так и древние пророки проклинали. То врагов языческих, то своих отступников. Впрочем, Быков* зверски энергичен и без инфантильности смертен, зол, трудопособен и как-то даже трагичен, если бывает трагизм вне приличий и красоты. Он придумал своего Живаго! Им стал сам Борис Пастернак, в исповедально-любовной быковской книге, в тысячестраничном гимне в честь Пастернака, в бога превращенного. Ему Быков² и молится много лет. Правда, молится против нас.

Можно о победившем всех Евгении Водолазкине скажу совсем кратко? Действительно, лучший: филологически сильный, по-профессорски владеющий словом, знающий самые тайные правила сюжетно-композиционных построений. В 2013 году, читая сразу прославленного «Лавра» (роман-житие, постмодернистское православие, этот ожидаемый оксюморон), обратил внимание на важнейшее для автора противопоставление Христа и Александра Македонского, бытийной вертикали и жизненной горизонтали. И понял я, что дальше мне будут рассказывать сказку об очередном Живаго-докторе, о тихом, дачном Иисусе наших интимных

² Внесен Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента.

миров, о противоисторическом, вечном спасителе от суеты земной и государственной. Будущее не обмануло меня, ведь именно такая религия и случилась в «Авиаторе» и «Брисбене», «Оправдании острова» и, конечно, в «Чагине» с его кульминационной точкой – проповедью забвения. Не подумайте, что я предлагаю Водолазкину стать Z-поэтом или Z-прозаиком. Нет, конечно. Но и писать так, словно вообще ничего не происходит, а все плохое осталось в СССР, – как-то не очень здорово для победившего всех конкурентов русского писателя. Ведь ни войны, ни мира тут. Лишь вечность стерильная.

Что взять с литературы современной, если сама жизнь наша подчас такова, как в заголовке статьи и указано? Ни на какую системность не претендую, иерархии из следующих далее суждений делать не собираюсь. Просто ряд мыслей о контекстах, в которых выгодно появляться определенной литературе. И быть маленькой, скромной быть – правда, под шумки официальных поздравлений.

Народность считается неприличным, слишком пафосным состоянием, спонсируемым фарисействующими идеологами. Любой Хармс с его утомившим абсурдом представляется многим честнее и совершеннее массивного Шолохова с немилосердным опытом, заставляющим хотя бы чувствовать просторы Родины и принимать трагедии, на них разыгрывающиеся. *Инфантилизм – в моде!* Игровые технологии, ничем не ограниченные языковые эксперименты и нудная бел-

летристика в отношениях автора с читателем готовы заявить о себе как о настоящей, о единственно возможной литературе.

Ни криминальная революция 90-х, ни Чеченские войны, ни путинские барьеры на пути разложения не победили ельцинское понимание культуры как интригующего туризма по легким и хорошо читающимся образам, как объемной релаксации после нудного, полного аллергических реакций касания реальности. *Литература, дай отдохнуть!*

Последние десять лет показали, что эпос не только щеко-чушая атмосфера фэнтези-сюжетов, но и нарастающий ужас повседневности, с которым надо что-то делать. Казалось, все *ух* и *ах*, однако государство предложило идею сосуществования эпоса и гедонизма: есть мобилизация и фронт, есть и та торгово-развлекательная легкость необыкновенная, которая под звуки далекой канонады продлевает, пусть и с заметными ограничениями, установки ставшего привычным глобализма. *Писатели, вы ведь на стороне приятных снов, вы готовы сделать все возможное, чтобы они продолжались?*

Точные науки всегда должны отчитываться, гуманитариям часто хватает — изображать. Многие в системе успешности, ключевые направления грантовой политики, скопус-требования и хирш-индексы строятся по западным требованиям, рубящим русскую дидактику на корню, вместе с нравственной инициативой и смыслами, когда дело доходит до чехарды стандартов, отчетов, рейтингов, до создания

масштабного казаться, противостоящего быть. *Хочешь заниматься феминизмом в литературе и антитоталитарным дискурсом? Нарратологические инстанции беспокоят? Милости просим! Задумал научно рассказать о мировоззренческих битвах в словесности, да еще с позиции традиционализма? Пошел вон!*

Массовая культура с ее ставкой на международные картинки и то, что громко называют современным искусством, осмеивают архаичную глубину и поэтику неповторимой личности, изгоняют персональные миры ради распространения системы паролей, ключей, подмигиваний и кланового мастерства – в сопровождении богатой рекламы, призванной убедить в том, что это мастерство действительно состоялось, что не может быть иного мастерства. *Лишь серийность, расцвеченная новым дизайном, может быть продана!*

Стареет и умирает сложный русско-советский читатель? Следовательно, вместе с ним должен упокоиться и «Наш современник». Не нужно поднимать молодых до высот классики, достаточно классику приспособить к пониманию юных, взращенных движением цифры и самыми разнообразными инверсиями. *А давайте, ссылаясь на столь дорогую всем нам молодежь, на ее стабильные тренды, просто осушим все моря и океаны, превратим правление Александра Первого в «Филэллина» (не худший вариант!), а трагедию революции в «Бронепароходы» (вы же любите сериалы, вы же воспитаны на их поэтике!). И давайте сделаем из наших обще-*

ственных катастроф бронебойный роман «Текст» (*автор внесен Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента), а потом и фильм снимем по нему! (вам ведь нравится нигилизм, друзья...).

Не люблю быть критиком, хочу быть строителем. Поэтому мысль моя проста. Запад действительно пытается нас отрицать – и в слове, и на поле боя. Он не пытается, он громко и очень сознательно заявляет: духовно Россия пуста, не только пуста, но и смертельно опасна для цивилизации Европы и Америки. Но мы же с вами считаем иначе? Господа высокие литработники, вы ведь согласны? Тогда словесность должна заниматься главным – ответом на вопрос о Русской идее, о возможной гибели мира без ее силы и цветения, о нашей реакции на вызовы вполне состоявшихся врагов. Только в случае этого ответа, его полноценности может состояться настоящая победа. Не по какому-нибудь корейскому образцу, а состояться по-настоящему, как того и достойна Россия.

Часто говорят, что в словесности наших дней много значит Владимир Григорьев. На месте Григорьева ухватился бы я за повесть Андрея Антипина «Дядька» и двигал ее, как следует двигать вперед Русский мир, когда его пытаются отрицать по всем фронтам. Однако кто знает Антипина с его народностью и подлинным сибирским экзистенциализмом? Есть Александр Проханов и Анна Долгарева, Михаил Тарковский и Герман Садулаев, Алексей Шорохов и Захар Прилепин, Александр Пелевин и Игорь Караулов, Вера Галакти-

онова и Василий Дворцов, есть мастера словесности вокруг «Российского писателя». Но эта статья посвящена не им, а нашей пипеточной литературе.

Что нам делать с поэтикой?

В этом небольшом слове предложим диагностику литературного процесса как сотрудничества писателей и филологов, критиков и функционеров. Диагностика может привести к императивным суждениям. Они реализованы в моем личном опыте: и вузовском, и публицистическом. Предложений не должно быть больше семи. Стремление охватить всех участников литературного процесса расширит термин «поэтика». Прошу меня за это простить.

Фрагментарность и прагматику побеждать поэтикой!

Университетское литературоведение часто дистанцируется от нравственно-философских проблем ради решения диссертационных задач и повышения индекса публикационной активности. Когда вы предлагаете в серьезный журнал правильно оформленную беззубую статью – вас любят, иногда даже без денег. Если вы пишете об отражении актуальной истории в новейшей прозе, о войне миров в ней, вам стараются не отвечать. Вы считаетесь – вне науки! Да, хватает публицистики, но еще больше фрагментарной лингвистики и нарратологии. Нарративная интрига, полезная в тиражировании курсовых работ и диссертаций, стремится вытеснить духовную интригу, заставляющую видеть в тексте не только

повествовательные стратегии. Не для анализа и не для критика-эгоиста создается словесное произведение! Об этом не стоит забывать. Духовная интрига абсолютно индивидуальна, нарративная требует типизации.

Страдает цельность поэтики как подвижной системы познания, анализа художественного мира от лексики текста до мировоззрения народа, как это предложено в классических трудах Михаила Бахтина («Поэтика Достоевского»), Дмитрия Лихачева («Поэтика древнерусской литературы»), Сергея Аверинцева («Поэтика ранневизантийской литературы»). Давайте создадим коллективную «Поэтику новейшей словесности»! Где будут разделы: время, пространство, человек, конфликт, жанр, проповедь.

У классического романа учиться поэтике личности!

В современном литпроцессе доминирует роман. Много страниц, можно пересказать, есть герой. Порою это наивная, но все же работающая установка на жизнеспособность литературного события. Мне объяснил Вадим Кожинов: классический роман – явление идеального человека, совмещающего рельефную фабулу-поступок со сложнейшим сюжетом – сознанием/речью. Фабульность избавляет от торможений русского гамлетизма, сюжетность слова – от разных форм фарисейства. Можно бесконечно клясться полифонией Бахтина, однако – особенно сейчас – важнее помнить корректив-

вы, внесенные Юрием Селезневым: выше полифонии соборность! Перевожу: не интеллигентское, а народное действие.

Русское учение о романе – это учение о жизни, когда воля определяет внешнее действие, движение к цели, побеждает обломовщину, побеждает авторской силой и композиционным совершенством, сохраняя дивную сложность внутренних миров. Не надо преувеличивать двойственность художественного высказывания! Есть смысл оставить амбивалентность и колебания ради поэтики поступка! Роман – явление цветущей сложности. В эпоху тяжелейшего кризиса литературы цветущая сложность требует расширения поэтики до соответствия судьбы автора своим повествовательным движениям. Конечно, это важно всегда. Сегодня, когда проза и поэзия проигрывают альтернативным формам сюжетики и красоты, поэтика сверхтекстового поступка особенно значима.

Не ради упрощения, а для ясного обозначения интриги (именно духовной!) необходим вопрос о Захаре Прилепине, который энергичнее других понял недостаточность литературы. Прилепин везде: в телевизоре и Телеграме, в прозе, публицистике и на новых российских территориях, его взрывают... – и все же часто не любят, словно автор «Обители» – не воплощение кожиновской поэтики романа, а скрытый противник русской победы. Почему так? Или на Правом фланге нашей словесности идет гражданская война? Тогда давайте честно расскажем о раскладах в этой войне, о про-

тивостоящих друг другу идеологиях или хотя бы о принципах поведения.

Создавать канон лучших современных текстов!

«Что почитать из нового, написанного сейчас?» – спрашивают молодые. Должны ли мы говорить только о высоких достижениях национальной литературы или признавать, что романы, которые не хотим упоминать, эффективно показывают построенную за тридцать пять лет реальность? Стоит ли признавать худую литературу за честную форму диагностики разных вавилонских башен? Мне проще ответить на другой призыв: «Назови лучший прозаический текст XXI века!» Сообщаю без сомнений уже десять лет: «Повесть Андрея Антипина „Дядька“».

Кто это? О чем? Почему никто не знает? Всегда буду благодарен рано ушедшему Александру Казинцеву за то, что попросил прочитать и отозваться. Так почему для меня лучшая проза, с которой без сомнений иду к студентам, антипинский «Дядька»? Во-первых, чудесный, не зависимый от городских новаций язык, с потрясающей сибирской архаикой. Во-вторых, русский богатырь, который должен владеть миром, душою и сильными руками создавать будущее, проваливается в страшное поражение и тем воздвигает символ народной беды. В-третьих, Антипин показывает трагическое цветение человечности даже в агонии социального тела и буквально

заставляет посмотреть на тех, кто падает или собирается рухнуть где-то возле тебя. В-четвертых, меня, как преподавателя разных зарубежных литератур, радует, что архетипы Гамлета и Дон Кихота создают сложнейшую внутреннюю форму не самой большой повести. Вы знаете, что современные писатели млеют от гамлетизма с его пустотностью, а кихотизм с его любовью и верой теперь большая редкость. Сейчас настоящий русский роман – повесть Антипина «Дядька».

Нам нужен канон! Сколько там будет имен и текстов? Не знаю. Однако в мире бесконечных перезагрузок требуются большие усилия, чтобы сохранить главное. Давайте создадим книгу о пяти или семи незаменимых текстах наших дней. Пусть лучшие критики и литературоведы дадут им серьезный шанс на прочтение, не только профессионалами.

Знать чужую поэтику!

Часто мы говорим: торжество «премиальной» литературы – искусственный, на большие деньги заказанный праздник. Нам отвечают без сомнений. Например, Галина Юзефович: кроме иноагентов, а также их сторонников у современной России нет писателей. Ошибка русских профессионалов – просто отрицать, пафосно не читая: Иличевского и Михаила Шишкина*, Алексея Иванова и Васякину, уже не говоря о Быкове и Улицкой. Значительно важнее понять, почему их знают. Причина популярности лишь в рекламе и поддержке

официальных ресурсов? Конечно, нет. Дело в поэтике разноречивого либерализма, который мы часто хотим отрицать, но отказываемся изучать. А надо! Я назову две причины торжества «премиальных»: логос и катарсис. Облегченный, опустошенный, саркастичный, гностически изящный логос и катарсис освобождающей безответственности – и от жертвенной народности, и от закономерной тяжести национального языка. Не молчать об иноагентах нужно, а биться с ними!

Выше я спросил о Захаре Прилепине. Не реже спрашивают о Павле Басинском, Алексее Варламове, Евгении Водолазкине. Они – христиане и гуманисты, классно владеющие русским языком, – в каноне или за его пределами? «Наше новое все» или все сложнее? Слышен у них призыв к умиротворяющему компромиссу. Вроде хорошо! А вот трагифарс с журналом «Наш современник» показал, что компромисс может уничтожать целые платформы, которые создавались десятилетия. Но считаем мы «Лавр» православным романом или отрицаем это популярное суждение, давайте доказывать поэтикой, высотой или падением духовной интриги!

Читать местночтимых! Но не писателей растить, а мастеров словесности!

Не скажу, что просто, но я стараюсь: видеть то, что близко. Хотя бы временно отводя глаза от Москвы и Петербур-

га. С годами все больше хочется созерцать победы на региональном уровне, где в наши дни и нужно выстраивать путь необходимого стране литератора. На Кубани есть имена для апологии: Юрий Селезнёв, Виктор Лихоносов, Юрий Кузнецов – публицистика и критика, проза, поэзия. Первые двое дали платформу для ставшей знаменитой конференции, которую проводит журфак Кубанского университета. Хочу напомнить, что десять раз «Кожиновские чтения» проводились в Армавире, где Вадим Валерьянович не был ни разу. Это заслуга Юрия Павлова. Многие в этом зале его читают. Есть и наше настоящее, которое строится журналом и сайтом «Родная Кубань» под редакцией Павлова. Есть и писатели, которые могут быть предложены общероссийскому читателю. Например, прозаик Андрей Пиценко и поэт Наталья Возжаева.

Конференция литературоведов и критиков «Большой стиль» должна быть направлена против литературы в ее нынешнем понимании, когда слишком субъективные травмы авторов, издательские проекты, премиальные интриги и жанровые схемы выстраивают на могиле постмодернизма курган, не способный заинтересовать умы будущих эпох. Не надо современной литературы в большом количестве! Постарайтесь не становиться писателями в потоке закономерно малотиражных образов! Зачем нам критики, пишущие рецензии для смеха других, таких же грустных и относительных критиков! Все это развлечения для сытых и застрахо-

ванных. Однако сейчас все страховки и гарантии сгорели. Для чего ныне спорить о неомодернах, новом реализме или метамодернизме?

Как же так? К чему призываю? Сейчас важнее быть учителями и публицистами, эссеистами и проповедниками, миссионерами русского слова и его апологетами. Необходима трансформация литературы в словесность. Так, как это происходит в знаменитых поэтиках Бахтина, Лихачева, Аверинцева, Кожина – происходит с Достоевским, Древней Русью, Византией, Тютчевым. Так, как это происходит в писаниях наших современников, идущих навстречу разрастающейся войне. Писателем можешь не быть, а мастером словесности – если есть дар слова и мощное понимание мира, если присутствует верность и жертвенность, – быть надо! Итак —

Необходима поэтика русского сюжета!

Литература должна быть разной. Одну мы понимаем, другую нет, третья понимает нас. Здесь надо быть спокойным и, может быть, даже смиренным. Однако эта мысль о безграничной свободе мало что решает в большом времени и большом пространстве, которые вдруг стали неизбежными. Запад уверен вслух, что нас нет: политически и нравственно нет, культурно уже нет и в перспективе, о чем эта война и расширяется – территориально. Наверное, главные ответы не в области художественной речи. Но если литература вообще

не подходит к вопросам народной жизни, смерти и воскресения, то зачем вообще нужна эта литература? Звучит утробно, и все же скажу: новейшая словесность, как в веках прошлом и позапрошлом, может выстраивать поэтику национальной жизни, споря за душу современника – и с официозом, где часто рельефна фигура фарисея, и с массовой культурой, многотиражно освещающей разные пустоты.

Итоговым тезисом должен быть следующий:

Высшая форма поэтики – дидактика!

У меня нет никаких ностальгических связей с классицизмом или соцреализмом, мне не нравится пятитомник Михаила Дунаева «Православие и русская литература». Я не люблю читать статьи, обличающие Булгакова за «Мастера», Леонова за «Пирамиду», а Кузнецова за «Путь Христа» и «Сошествие в ад». Литература имеет право прозвучать проповедью, но точно не обязана быть ею. Художественный текст – осмысленное нравственное высказывание, сюжетное торжество авторской ответственности, даже если она стремится представиться безответственностью. Дидактика литературы – не система заповедей для исполнения, а образ состоявшегося мира, в который автор приглашает или заманивает читателя. Хармс не менее дидактичен, чем Николай Островский. Дидактика художественного текста, как высокая точка поэтики, предполагает совершенный анализ произведения,

и только тогда знакомит нас с формами превращения относительной литературы в словесность, рвущуюся к безусловности.

Большой стиль и маленький человек

Размышления о будущем манифесте

Желающие узнать о конференции литературоведов и критиков «Большой стиль» (Москва, 5–7 сентября 2024 года) часто открывают материал, который начинается так: «Что такое большой стиль? Это стиль переломной эпохи». Я не согласен со словами Нины Ягодинцевой. Нескончаемая вереница «переломных эпох», навязчивая двойственность, согласие с колебаниями не просто присутствуют в нашей жизни без всяких конференций, но являются основным содержанием потерявшейся за тридцать пять лет культуры.

Следовательно, если дерзновенно ставить задачу освоения Большого стиля, надо научиться знать, а не сомневаться, обладать волей против надоевшей амбивалентности. Эпоха, отраженная и преображенная в нас, должна быть не переломной, а состоявшейся в ключевых задачах и образах, которые можно описать в категориях по-настоящему исторической поэтики. Поэтикой современной словесности должна стать система усилий, не только констатирующих мощный хаос и слабый космос новейшего русского времени. В кризисе надо увидеть будущее, найти его в скромных сюжетах настоящего, и главное – найти силы для императивного созидания, когда переломы и вывихи преодолеваются ясным

сознанием должного.

Везде в России не хватает людей. Почему избыток должен быть в Большом стиле? Повсюду «царство маленького человека», который закономерно стремится выжить в границах эпохи, в очередной раз желающей быть названной «переломной». Разумеется, я говорю не о каких-то внешних стадах обывателей, бытовиков-гедонистов и всевозможных отрицательных героях житейских равнин. Да, я говорю и о них. Однако маленький человек в нас, маленький человек во мне. Маленький человек уже не гоголевский, не чеховский, а сегодняшний – серьезный противник Большого стиля. Я постараюсь представить его сознание тезисно. Представить без последней рационализации, сохраняя алогизм естественно-го существования.

Что же нашептывает самому себе наш маленький человек, внешний и внутренний герой? *Все решается не нами. Главное делается только серьезными деньгами. Времени моего остается лишь на безопасную прагматику. Не мешайте культуре нашей обеспечивать желанную релаксацию. Все-таки либерализм политический не имеет альтернатив. Солнце восходит на Западе. Надо дождаться победителя. Истина лишь в свободе самовыражения. Здешняя власть всегда агрессор. Вся мировая литература работает на мою полную независимость. Любая ваша соборность пахнет всем известным тоталитаризмом. Я хочу просто и нормально прожить. Я не хочу никого и ничего выше. Я, Я,*

Я.

Не хватает таланта для чеканной точности, поэтому поясню: особо маленький человек – не тихо живущий бессловесный апологет привычной всем нам горизонтали, а субъект идейный – не без наглости и агрессии отстаивающий право быть своеобразно маленьким, и при этом – удаленным: в атаках на все, что представляется ему вызывающе большим, унижающим его тренды. Те, кто давно в социальных сетях, хорошо знают, как эти интеллигентные ребята поддержат любой модернистский диалог, пропоют осанну всем деконструкциям, но – что происходит с ними при появлении актуальных политических сюжетов! Целуя каждую личину «современного искусства» как лик истинной свободы, маленький человек особенно возбуждается там, где можно укусьть все русское, продемонстрировать просвещенный западный вектор, на банальнейшем сленге отразить политическую правильность, правильностью этой подмигнуть партнерам. Церковь для них устарела, государство – тиран, половые ужимки гендерных неформалов – торжествующая правда прогресса. Маленький человек мнит себя большим пропагандистом собственной ничтожности. Иногда даже жаль его, ведь он часто молод, так молод, что не знает иных эпох, кроме эпох переломных, когда – позволено все, если все для себя. А ведь так учили его, порою для подобных движений и растили.

Большой стиль должен помочь таким субъектам осознать

свою природу. И не надо сомневаться, что это осознание возможно. Оно необходимо. В том числе, с помощью художественной литературы – некогда по-настоящему большой, а сейчас не совсем. Да она и сегодня есть – большая: Андрей Антипин, Вера Галактионова, Юрий Козлов, Захар Прилепин, Александр Проханов, Михаил Тарковский. А разве не становится большой и важной диагностикой то, что пишут Виктор Пелевин и Михаил Елизаров, иноагент Дмитрий Быков* и иноагент Людмила Улицкая*, Леонид Юзефович и Евгений Водолазкин? Сейчас модно проклинать чужих, не читая. А разве не лучше заставить их тексты работать на решение задач Большого стиля? Да и чужие ли: Алексей Варламов или тот же Водолазкин? В кулуарах конференции, реальной и символической, вневременной, эти вопросы звучат часто. Как и вопрос о Прилепине, у которого везде, на всех флангах хватает недоброжелателей.

Является ли Большой стиль явлением пафоса, вызывающим в памяти классицизм или соцреализм? Риск есть. Но атмосфера критицизма внутри и вокруг должны помочь не впасть в фарисейство. Два примера. Для первого привлечем краснодарского литературоведа Олега Мороза, для второго московского критика Льва Рыжкова.

Мороз сделал на конференции доклад о влиянии теории Бахтина на современную литературу. Очень важный доклад. Никто не сомневается, что Бахтин прекрасен и необходим. Однако культ его имени, научного словаря и метода приве-

ли к удивляющим последствиям: великий филолог-классик стал знаменем маленьких людей, которые не сразу, постепенно перетащили кумира на небрежно нарисованный постмодернистский корабль. Там и смеются уже несколько десятилетий вместе с адаптированными под клоунов карнавальностью, полифонией, амбивалентностью. И клоуны цирковое представление с Бахтиным не собираются заканчивать. Завоеванный лилипутами гигант, взорванный своим же диалогизмом, помещен в такую зону фамиллярности, что пора и кое-что объяснить.

Олег Мороз и объяснил, а я понял так. Бахтинская теория романа, не свободная от изъянов прославления этого жанра как высшей точки литературности, заставляет новейших писателей служить роману, хотеть его присутствия, пользоваться премиальными последствиями, создавая не новые смыслы, не поэтику нашего времени, а воспроизводя в неискusstvenных редукциях прежнюю матрицу романности, бездушную копию былых побед, жалкое постмодерн-подражание отработанным сюжетам. Да! Когда мы клянемся в верности действительно большим, всегда ли светел наш путь? Может, лучше создать новый жанр, чем прикрыться надежным старым?

Конференция «Большой стиль» и организовавшая ее премия «Слово» нравятся далеко не всем. Позиция либеральных противников понятна, мне гораздо интереснее конфликты на правом фланге. Лев Рыжков поддерживает СВО

и не почитает демократию. Он не в числе приглашенных на конференцию. Вот он пишет нечто гневное, полное мизантропии, замаскированной под требование справедливости. Он саркастически отрицает и без него прошедшее мероприятие, и сильного современного прозаика. Называется статья «Явление нового мастера диктантов и медовая хоругвь Михаила Тарковского». Опубликовано на сайте Alterlit.

Отличный пример «малого стиля» с гротескным высокомерием, неумением анализировать текст, с жадой доминировать над всем, из чего получилось вырвать цитату и с лихим смехом ее как бы разобрать. Рыжков называет это изнасилование словесного материала «новой критикой». Так, что здесь нового? Статья кричит об одном: вы, подлецы, не взяли меня – лучшего! – на форум; вы все, бестолковые, неизвестные или заумные, приехали пилить государственные деньги; вам, участникам «Большого стиля», «близость кормушки помрачила разум». «Значит, всем срочно надо становиться патриотами и сосать денежки из казны. Отсюда и конференция, отсюда и отсутствие на ней „новых критиков“», – читаем на Альтерлите.

Рассерженный Лев в парадоксальном осмеянии самого себя утверждает одну из доминант этого «нового» метода – унижить другого, разобраться с личными обидчиками, выхватить фразу из контекста, объявить всех графоманами, устроить в соцсетях танцы для уязвленных самолюбий – вроде бы патриотично настроенных, отрицающих всех всяки-

ных и рябовых, но – каких же злодейски пустых! Конечно, книга Тарковского «42-й до востребования» объявлена никому не нужной, нигде не продающейся, страдающей невозможным языком, представляющей сборник диктантов, типичный, как называет Рыжков все подряд, «буквопродукт». «Суровый таежный человек развлекается, как может», – хамит «новый критик», удаляясь от Большого стиля так быстро и смешно, что нелишне спросить: а не случаен ли этот патриотизм, в котором низ активирован на все сто? И еще один вопрос, косвенно заданный рыжковским фарсом: не важнее ли внутреннее пространство, из которого наносится удар, тех объектов, по которым удар и наносится? Ведь – зачем это скрывать! – «новая критика» часто атакует тех, кого бить нужно. Впрочем, она атакует всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.